

УДК 10.02.01 81.81'42.82-2

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(А. Н. ОСТРОВСКИЙ «ДОХОДНОЕ МЕСТО»)**

Яценко Т. А., Елизарова О. О.

*Таврическая академия Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского, Симферополь
E-mail: t-yashchenko@yandex.ua*

Статья посвящена анализу роли фразеологизмов в формировании экономического дискурса, выявлению особенностей функционирования фразеологизмов, отражающих сферу экономической жизни в пьесе А. Н. Островского «Доходное место» и их классификации. Дискурсивный анализ пьесы базируется на понимании дискурса как динамичного развития речи с учетом характера персонажей и развития сюжета.

Ключевые слова: дискурс, фразеология, индивидуальная концептосфера, культурный код, А. Н. Островский.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к произведениям А. Н. Островского, не угасающий на протяжении полутора столетий, объясняется тем, что в его пьесах отражена атмосфера русской жизни, с разнообразием национальных типов и характеров, с вечными проблемами нравственного выбора, не утратившими своей остроты и актуальности. О вкладе драматурга в развитие русской культуры написаны многочисленные литературоведческие исследования (А.И. Журавлева, В.Я. Лакшин, А.И. Ревякин, А.А. Штейн и др.). Уникальность языка пьес А.Н. Островского является предметом исследований лингвистов как в аспекте изучения характерной лексики и фразеологии (Т.Н. Волкова, Н.П. Варзина, А.Г. Ломов, А.М. Мелерович, М.А. Фокина и др.), так и с позиций теории текста и лингвокогнитологии (А.М. Мелерович, Л.С. Наградова, И.В. Иванова, Н.А. Коломлина и др.).

Новизна нашего исследования заключается в дискурсивном подходе к анализу фразеологизмов (в широком понимании фразеологии как всех устойчивых выражений), которые участвуют в формировании экономического дискурса целостного драматургического текста, а также в выявлении культурных кодов, лежащих в их основе. Считаем, что именно драматургический текст в наибольшей степени отражает реальную дискурсивную практику.

Актуальность исследования состоит в недостаточной разработанности методики анализа роли фразеологических единиц в пределах определенного дискурса и в расширении представлений о возможностях изучения идеостилия в драматургическом произведении. Исследование писательской фразеологии – одно из актуальных направлений фразеологической науки. В последнее время все больший интерес ученых вызывают закономерности употребления ФЕ «в процессах организации высказывания» [6, с. 91].

Как справедливо указывает В.П. Жуков, наиболее ярко и полно «идиоматический арсенал языковой личности раскрывается в живой эмоционально окрашенной литературной речи или литературном просторечии, а также в образцовом художественном тексте» [2, с. 107].

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей функционирования фразеологизмов, отражающих сферу экономической жизни, в пьесе А. Н. Островского «Доходное место».

Задачи: 1) рассмотреть роль ФЕ в речи персонажей пьесы как средства представления индивидуальной концептосферы; 2) выявить текстобразующие функции ФЕ; 3) определить роль прецедентных феноменов в фразеологическом фонде пьесы; 4) выявить трансформации смыслов ФЕ посредством включения в определенный контекст; 5) установить роль культурных кодов в формировании ФЕ.

Материалом исследования является текст комедии «Доходное место» как истории конфликта принципов и обстоятельств, наиболее актуально воспринимаемой в наше время. Нами было выявлено 96 ФЕ, из которых 67 отражают сферу экономической жизни, что свидетельствует о важности экономических отношений между персонажами пьесы.

Исследование базируется на широком понимании дискурса: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; ... это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136-137].

Существенно для нашего исследования разработанное В.И. Карасиком положение о дискурсивных типологиях, в частности противопоставление институционального и персонального дискурса (в пределах последнего разграничиваются бытовой и бытийный дискурс) [3].

Под экономическим дискурсом понимается речевое произведение, текст, отражающий концептуализацию экономических реалий. При этом раскрытие экономической темы не ограничивается специальными экономическими лексическими средствами. «В конкретных текстовых условиях могут использоваться и неспециальные номинации, и разнообразные иностилевые средства, выбор которых коммуникативно обусловлен» [7, с.3].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Экономический дискурс в тексте пьесы «Доходное место» является доминирующим и представлен двумя основными понятийными сферами: 1. Экономическое положение. 2. Источник доходов. На базе данных сфер формируются культурные концепты, в языковой реализации которых весьма существенна роль фразеологических единиц. (Вопрос о концептообразующей роли фразеологизмов в языке А.Н. Островского подробно рассматривается в работах Л.С. Наградовой [4]).

Для понятийной сферы «Экономическое положение» наиболее характерны ФЕ, формирующие культурные концепты Бедность, Богатство и ситуации перехода из одного состояния в другое.

В результате анализа ФЕ понятийной сферы 'Бедность / Богатство' установлено, что в плане аксиологической модальности они в значительной мере совпадают с русской паремиологией [10, с. 233-239].

Большинство ФЕ, характеризующих жизнь в бедности, относится к основному фразеологическому фонду русского языка: *низший круг, сводить концы с концами, вести нищенскую жизнь, горе мыкать, без куска хлеба, ходить за подающим, протягивать руку, нечем жить, ходить без сапог* и некоторые другие. Специфика их использования в репликах персонажей заключается в следующем:

1. Выстраивание синонимического ряда ФЕ для усиления выразительности речи, что характерно для высказываний Юсова, склонного к пафосу и риторичности: *Может быть (кивая головой на Жадова), и за подающим пойдешь, и руку протянешь* [5, с.288].

2. Выстраивание синонимического ряда, включающего ФЕ и другие лексические средства, с целью усиления эффекта воздействия на адресата и повышения экспрессивности высказывания. В этом плане особенно выразительны высказывания Кукушкиной во втором действии, в которых представляется стесненность материального положения семьи, единственным выходом из которого является замужество дочерей: *Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нет (...) доходов у меня нет ниоткуда, одна пенсия. Своди концы с концами, как знаешь. Я себе во всем отказываю. Поворачиваюсь, как вор на ярмарке, а я еще не старая женщина, могу партию найти* [5, с. 292]. Особого внимания заслуживает выражение *ни за мной, ни передо мной ничего нет*. В известных нам фразеологических словарях оно отсутствует. В словаре Михельсона приводится выражение *ни за мной, ни передо мной нет никого* как иносказательное: *ни рода, ни племени*; дается синоним: *один как перст* [8]. В таком значении оно противоречит реальной ситуации пьесы. Кукушкина – вдова, о родителях ее упоминания нет, но у нее две дочери, к которым и обращен этот монолог. Возможно, имеется в виду другая ФЕ *За душой ничего нет*, которая в обоих значениях: 1) о бедном, безденежном человеке; 2) о бездуховном человеке – применима к Кукушкиной. Очевидно, в таком случае можно отметить контаминацию двух ФЕ, вызывающую комический эффект;

3. Включение в реплики персонажей известных паремий в усеченном виде, а также их трансформаций или известных цитат. Так, например, Белогубов объясняет Юлиньке невозможность женитьбы прежде получения места столоначальника: *Да вы и сами не захотите щи да кашу кушать-с (Щи да каша – пища наша)*. Досужев характеризует чиновников, собравшихся в трактире: *Ослы во львиной шкуре! Только шкура-то и страшна. Ну и пугают народ* [5, с.313]. Данное выражение заимствовано из басни Жана де Лафонтена «Осел в львиной шкуре», басня с таким же названием есть и у Эзопа.

Особую роль играют библейские изречения и их трансформация в репликах Юсова, которые по контрасту с прагматичными репликами Вышневецкой приобретают комическое звучание: *Человек все равно... корабль по морю... вдруг кораблекрушение, и несть спасающего!..* [5, с. 333].

ФЕ, характеризующие жизнь в богатстве, в тексте «Доходного места» немногочисленны: *жить в довольстве, высший круг, земные блага, человек с состоянием, быть в счастье*: Белогубов, обращаясь к Жадову: *Я теперь в счастье, а вы в бедном положении* [5, с. 312].

Специфика использования их в тексте пьесы заключается, прежде всего, в противопоставлении жизни в бедности и жизни в богатстве, что особенно выразительно проявляется в высказываниях Вышневого в споре с Жадовым. **Ж а д о в**. *Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни. В ы ш н е в с к и й*. *Да, на чердаке, за куском черного хлеба. Славное утешение! С голоду восхвалять свою добродетель и ругать товарищей и начальников за то, что они умели устроить свою жизнь и живут в довольстве, семейно и счастливо (...)* Человек, который не умел или не успел **нажить себе** состояние, всегда будет завидовать **человеку с состоянием** - это в натуре человека [5, с. 284].

Особенно следует отметить ФЕ, отражающие переход от состояния бедности к богатству и наоборот: *выйти в люди; идти к богатству, как по лестнице; колесо фортуны*.

Показательно, что большинство фразеологизмов базируются на традиционных культурных кодах, что в целом характерно для пьес А. Н. Островского [9].

Как показал анализ, особую роль играет пищевой код, реализованный прежде всего компонентом *хлеб* в сочетаниях *кусочек хлеба, черный хлеб*. Общеизвестна символично-обрядовая семантика хлеба в русской и мировой культуре, отраженная в ФЕ (*делить хлеб-соль, хлеб всему голова, не хлебом единым, хлеб насущный*). В исследованном нами материале выражения *кусочек хлеба* и *черный хлеб* соотносятся с понятием 'бедность'. При этом они могут употребляться и в прямом значении, и в переносном: **М ы к и н**: *Год был без места, ел один черный хлеб* [5, с.306]; **Ж а д о в**: *Если судьба приведет есть один черный хлеб – буду есть один черный хлеб* [5, с. 340]. В диалоге Юсова и Вышневого после открытия судебного дела «о злоупотреблениях» патетическая реплика первого: *Должен буду бедствовать без кусочка хлеба* [5, с.334] – вызывает ироническую реплику собеседницы: *Ну, до этого еще далеко*. В результате происходит наложение прямого и переносного смысла выражения, вызывающее комический эффект. Соотнесенность выражения *кусочек черного хлеба* с бедностью может усиливаться наличием локусов с семантикой 'помещение, не предназначенное для жилья человека', например: *чердак*. В споре с Жадовым о жизненных принципах Вышневого, желчно иронизируя, использует именно такой образ: **Ж а д о в**. *Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни. В ы ш н е в с к и й*. *Да, на чердаке, за куском черного хлеба* [5, с. 284].

На пищевом культурном коде основано и выражение *щи да кашу кушать* (ситуация, возможная для бедного чиновника, но неприемлемая для барышни). Заметим, что в русской паремииологии, отражающей традиционное языковое сознание, *щи да каша* символизирует народную кухню и, как правило, используются с положительными коннотациями: *щи да каша – пища наша; где щи, там нас и ищи*.

Наряду с пищевым, активно используется и код движения: *поворачиваюсь, как вор на ярмарке; горе мыкать; выйти в люди*.

Отмечен ряд ФЕ, основанных на соматическом культурном коде: *руку протянешь, подставить ногу, одна голова ('один человек')*: В ы ш н е в с к и й. *Ума взять негде, ну так подставить ему ногу* [5, с.336]. М ы к и н. *Нашему брату жениться не след (...)* Знаешь пословицу: ***одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна*** [5, с.304]. В ы ш н е в с к и й. *Человек в несколько лет возвышается, богатеет (...), вырастает выше их целой головой* [5, с. 335-336]. В последнем из приведенных примеров использована авторская трансформация ФЕ (*быть*) *выше на целую голову*.

Противопоставление «Бедности» и «Богатства» базируется на пространственном коде с использованием антитезы 'верх' – 'низ', при этом имеется в виду не только имущественное, но и социальное положение. Антитеза 'верха' и 'низа' передается посредством устойчивых выражений *высший круг (круг порядочных людей)* и *низший круг (бедные люди)*, а также пространственной глагольной метафоры *опускаться*: В ы ш н е в с к а я. (...) *больше вы не услышите от меня упрека никогда*. В ы ш н е в с к и й. *Напрасно. Я теперь бедный человек, а бедные люди позволяют своим женам ругаться (...)* мы теперь, благодаря врагам моим, должны ***спуститься из круга порядочных людей***. В *низшем кругу мужья бранятся с своими женами...*[5, с. 338].

Пространственные метафоры *возвышения* и *падения* лежат в основе устойчивого фразеологизированного сравнения *как по лестнице*, фразеологических оборотов, включающих соматический код (*выше их целой головой, подставить ногу*).

Смена состояний 'бедности' и 'богатства' представляется также посредством фразеологического выражения *колесо фортуны*, основанного на культурных кодах пространства и движения. Юсов, страшаясь возможности отставки, называет основной причиной начавшихся преследований не взятки, а гордость. Ю с о в. *Смирения нет, вот главное... Судьба все равно что фортуна... как изображается на картине... колесо, и на нем люди... поднимается кверху и опять опускается вниз, возвышается и потом смиряется, превозносится собой и опять ничто... так все кругообразно* [5, с. 334]. Высказывание строится на антитезе «верха» и «низа», «превозношения» и «смирения», непосредственно связанных с понятием 'богатство' и 'бедность'.

Культурный код вращательного движения символизирует не только смену состояний человека в мире, но и воздействие «нечистой силы», так же, как и «беспорядочное движение», «метание», «кривой путь». В связи с этим вспомним выражение Кукушкиной: *поворачиваюсь, как вор на ярмарке*, которое соотносится с паремиями, включенными в сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа»: *поворачивается, словно добрый вор на ярмарке; мечется, как вор на ярмарке, как угорелый, как угорелая кошка; мечется, ровно цыган на ярмарке*.

ФЕ, основанные на зооморфном коде, соотносятся с понятием 'бедность': *загнать в конуру, загнать, как почтовую лошадь*: Ж а д о в. *Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать*

меня, как **загоняют почтовую лошадь** [5, с. 340.]; 2) ФЕ, основанные на культурных кодах артефактов, единичны: *ходить без сапог*.

Для понятной сферы «Источник доходов» наиболее характерны ФЕ, формирующие культурный концепт «Доходное место», в основе которого лежит название пьесы, определяющее ее сюжет и концепцию. Само фразеологическое выражение в репликах персонажей предстает в различных вариантах и контекстах, соотносится с особенностями характеров и обстоятельств:

1. Полная экспликация семантики ФЕ : В ы ш н е в с к и й: *Молодой человек (...) идет к нам же просить **доходного места**, чтобы брать взятки!* (5,с.339). 2. Определение в составе ФЕ приобретает форму сравнительной степени, компоненты даются в соседних репликах, семантика ФЕ раскрывается иносказательно :Ж а д о в: *Дайте мне **место**, где бы я... мог (тихо) приобрести что-нибудь. П о л и н а (Вышеславской) **Подходнее!*** (5,с.339). 3.Определение *доходное* заменяется синонимичным *хорошее*: К у к у ш к и н а: *Места, говорит, нет хорошего* [5, с. 295]. 4. Используется только один компонент *место* без определения, семантика проясняется в контексте диалога: Белогубов просит Юсова о месте столоначальника: *Я ведь больше потому-с, что у меня теперь невеста есть-с (...) Только без **места** нельзя-с, кто ж отдаст* [5, с. 279].

Фразеологические единицы, характерные для данной понятийной сферы, условно делятся на две группы: 1) использование *доходного* места, а именно – получение взяток; выражения носят в основном жаргонный характер: *ловко хватил, попало-таки, рука не сфальшивит; Не купил, а так взял, после сочтемся*; 2) аксиологическая оценка. Вторая группа представлена преимущественно пословицами, посредством которых убежденные взяточники и казнокрады оправдывают свои действия, опираясь на постулат «все так живут». В ы ш н е в с к и й: *Вот тебе общественное мнение: **не пойман – не вор*** [5, с.286].

ВЫВОДЫ

Дискурсивный подход к анализу ФЕ в целостном тексте позволяет увидеть расширение их смыслового содержания, благодаря включению в контекст произведения, в динамику развития индивидуальной концептосферы персонажей.

Изучение фразеологической составляющей экономического дискурса раскрывает устойчивые и изменяющиеся аксиологические установки общества, связанные с существенной сферой жизни человека.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс/ А. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. - С. 136-137.
2. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476
4. Наградова Л.С. Концептообразующая функция фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского: авто реф. дисс. на соиск. уч. ст. кандидата филол. наук. – Ярославль, 2011. – 50 с.

5. Островский А. Н. Доходное место. Сочинения в 3-х т. Т. 1. Пьесы, 1850-1861 / А. Н. Островский / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Я. Лакшина. – М.: Худож. лит., 1987. – 527 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 28 ?
7. Томашевская К.В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01. – Санкт-Петербург, 2000. – 532 с.
8. Фразеология.Ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.frazeologiya.ru/fraza/dohodnyiy.htm>
9. Щербачук О. О., Яценко Т. А. Дискурсивный анализ кодов культуры в драматургическом тексте А. Н. Островского. Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2015 г.) : Сб. науч. ст. В 2-х частях II часть / О. О. Щербачук, Т. А. Яценко. – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – с. 394-400
10. Яценко Т.А. Каузация в русском языковом сознании: монография / Т. А. Яценко. – Симферополь: «ДИАЙПИ», 2006. - 478 с.
- 11.

PHRASEOLOGICAL UNITS AS MEANS OF FORMATION ECONOMIC DISCOURSE (A. N. OSTROVSKY «PROFITABLE POST»)

Yaschenko T. A., Elizarova O. O.

The article describes and analyzes the role of phraseology in the formation of economic discourse, the identification of the functioning of phraseology, reflecting spheres of economic life in Alexander Ostrovsky's play "A Profitable Post" and their classification. Discourse analysis of the play is based on an understanding of discourse as a dynamic language development, taking into account the nature of the characters and the story.

Key words: discourse, phraseology, individual conceptual sphere, cultural code, A.N. Ostrovsky.